

Ирина Градова

Врачебные
СВЯЗИ

Москва

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Читайте
захватывающие остросюжетные романы
ИРИНЫ ГРАДОВОЙ:

СЕРИАЛ «СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ДОКТОР МОНОМАХ»

Предложение, от которого не отказываются
Не делай добра
Смерть навывнос
Экзотический симптом
Клиническая ложь
Горькое лекарство

СЕРИАЛ «СЫЩИЦА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ»

Окончательный диагноз	Инеродное тело
Врач от бога	Вскрытие покажет
Пациент скорее жив	Второе рождение
Последний секрет Парацельса	Врачебная ошибка
Чужое сердце	Рецепт от Фрейда
Забытая клятва Гиппократа	Мальтийский пациент
Шоковая терапия	Врачебные связи
Клиника в океане	Диагностика убийства
Вакцина смерти	Сколько стоит твоя смерть
Источник вечной жизни	Инстинкт хищницы

СЕРИАЛ «БАЛЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ»

Танец над пропастью
Ария для призрака
Венчальное кольцо Нибелунгов
Последняя надежда обреченных
Актриса на роль подозреваемой
Соло на раскаленной сцене

СЕРИАЛ «АДВОКАТ НА ДОВЕРИИ»

Ложь под звездным соусом
Жена государственной важности

Ирина Градова

Врачебные
СВЯЗИ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Сазонова*

Градова, Ирина.

Г75

Врачебные связи : роман / Ирина Градова. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Кабинетный детектив).

ISBN 978-5-04-160061-7

Анна Саянова, хирург с многолетним стажем, мать троих взрослых детей, готовится к празднованию своего юбилея. Но неожиданно выясняется: ее бывший студент Анатолий Кречет попал в отделение травматологии. Кто-то избил парня до полу-смерти. Разбираясь с обстоятельствами дела, Анна узнает, что Анатолий входит в группу людей, чьи родственники пострадали от нового лекарства против острого лейкоза под названием «Голудрол», выпускаемого фирмой, генеральным директором которой является некий Илья Митрохин. Через некоторое время Митрохина убивают в его собственном кабинете, и Анатолий становится главным подозреваемым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160061-7

ПРОЛОГ

Он никогда бы не подумал, что все ТАК закончится. Столько сил потрачено, столько труда вложено, и удача, казалось, уже поворачивалась лицом...

Он привык все держать под контролем, и вот, совершенно неожиданно, вожжи выскользнули у него из рук, как этот подоконник, за который он цеплялся даже не пальцами — ногтями, слыша, как они обламываются один за другим с оглушительным треском. Все, что он считал незыблемым, рушилось — прямо здесь, прямо сейчас. Ему всегда казалось, что перед смертью человек вспоминает прошедшую жизнь, анализируя ошибки и удачи. Черта с два: в данный момент в голове вертелась лишь одна мысль: удержаться, любой ценой удержаться на вытянутых руках, подтянуться и... Эх, зря он пренебрегал физическими упражнениями, а ведь еще не стар и вполне смог бы выполнить этот нехитрый трюк, если бы не был более привычен к гладкой, кожаной поверхности руля своего «Мерседеса», чем к не менее гладкой перекладине штанги!

Еще один ноготь приказал долго жить. Он висел всего несколько секунд, но в воспаленном от ожидания приближающейся смерти сознании они рас-

тянулись на минуты или даже часы. Он мог сколько угодно кричать и звать на помощь — никто не услышит, ведь в офисах никого нет, а до улицы целых двадцать три этажа. А наверху и... Он поднял голову... и... Руки соскользнули с отполированного дождем карниза.

Само падение, в отличие от его ожидания, было коротким.

* * *

Пятьдесят пять... Что ж, чуть меньше чем через месяц это произойдет, и никуда не денешься. Мне всегда казалось, что я буду готова, когда этот день настанет, — ан нет, поди ж ты, совершенно не готова! Помню, на пороге тридцатилетия я думала, что страшно постарела, перед сорокалетием меня несколько дней сотрясала мелкая дрожь, а когда стукнул полтинник, я было решила, что теперь ничто подобное мне не грозит — и вот, на тебе...

Глядя в трехстворчатое зеркало, трельяж, я внимательно изучала свое лицо. Сильно ли оно изменилось за последние пяток лет? Все, кто меня знает, в один голос утверждают, что нет, только почему-то по мере приближения очередного юбилея их голоса становятся все громче, и я улавливаю в их тоне некоторую неискренность. Может, конечно, придумываю, боясь поверить в правдивость тех, кто меня любит? Кожа у меня гладкая, как у сорокалетней, — тут уж я ничуть не грешу против истины. Думаю, дело в генах, но нельзя сбрасывать со счетов и постоянный уход за собой, которому я всегда уделяла много внимания. Глаза... Веки, пожалуй, с возрастом стали тяжеловаты. Не пора ли подумать о пластической операции? Еще десять лет назад я и представить себе не могла, что подобная мысль

когда-нибудь зародится в моей голове! Но если немного подтянуть веки, то мои большие серо-голубые глаза, не потерявшие своей яркости, станут более выразительными. Вранье, что женщину годы красят — они не красят даже мужчину, за исключением некоторых редких представителей человечества, страшненьких в молодости, но с возрастом приобретших лоск и стать. Годы убивают женщину, особенно красивую, какой я всегда себя считала без ложной скромности. Ценой невероятных усилий я умудрилась сохранить стройную фигуру и до сих пор влезаю в платья тридцатилетней давности. Что я для этого делаю? Стараюсь есть простую еду, минимум мяса и не допускать излишеств, хотя порой убить хочется за сдобную булку или шоколадку. Стоит ли это таких усилий? Глядя на большинство своих подруг, прихожу к выводу, что да: многие, к сожалению, давно махнули на себя рукой, заделавшись бабушками в прямом и переносном смысле. Ну, а я так просто сдаваться не собираюсь! Решено: пластическая операция, так пластическая операция.

В молодости я больше всего боялась состариться, но не потому, что потеряю привлекательную внешность. Когда перешагиваешь определенный возрастной рубеж, словно нажимается какая-то кнопка, и ты автоматически перестаешь быть интересной кому бы то ни было, за исключением нескольких самых близких — вот что по-настоящему страшно. Да и эти «самые близкие» ведут себя скорее снисходительно, нежели заинтересованно: твои суждения кажутся им побитыми молью, твои жизненные принципы, по их мнению, давно пора отправить на свалку истории ввиду безнадежной устарелости, и даже в поздравлениях пожелания «счастья в личной жизни и успехов в ра-

боте» сменяются тусклыми: «здоровья и долголетия». А что, о *личной* жизни и речи не идет? Я, между прочим, не замужем! Хотя, если уж начистоту, то я, так и не обретя статуса законной жены, никогда не мучалась по этому поводу. У меня две замечательные дочери и прекрасный сын, карьера, тучи благодарных пациентов и отличные друзья — чего еще можно пожелать на склоне лет? Возможно, любви? Я не слишком влюбчива по натуре и всегда предпочитала, чтобы любили меня. Сын родился, когда я еще училась в институте и лелеяла надежды на «нормальную» семью. Не сложилось. Его отец оказался слабохарактерным человеком, пошедшим на поводу у родителей, считавших меня недостойной парой для их «сокровища». Вспоминая себя, тогдашнюю, сейчас я склонна согласиться с их мнением. Я родилась в захудалом городишке под названием Гатчина, который, помимо дворца Павла I, больше ничем не знаменит. Жизнь там была скучная, и я класса с третьего дала себе слово непременно выбраться оттуда в Ленинград. Мама ломалась на трех работах, и я быстро поняла, что, если действительно хочу чего-то добиться в жизни, должна буквально прыгнуть через собственную голову. Какое счастье, что мне довелось родиться при Советской власти, — не приходилось размышлять о том, как на мамину скудную зарплату обеспечить себе образование! Школа наша была не хуже других, да и профессиональных учителей хватало. Однако знания, полученные за партией, не идут ни в какое сравнение с теми, что требуются для поступления в вуз. Мама всю жизнь проработала медсестрой, подрабатывая ночной сиделкой и уборщицей в местном психоневрологическом диспансере, чтобы прокормить меня и брата. Ее мечте стать врачом

не суждено было сбыться, а я решила во что бы то ни стало добиться того, что не удалось ей. На репетиторов, само собой, денег не было, и я долбала книжки сама. В те времена о компьютерах и Интернете даже не мечтали, так что библиотека, где я постепенно подружилась со всем персоналом, стала моим вторым домом. Естественно, я читала не только книги по химии и биологии — Сервантес, Дюма, Скотт, Остин, Голсуорси и Экзюпери скрашивали мою бедную событиями жизнь. Я всегда предпочитала иностранную классику русской, жизнь, описываемая зарубежными авторами, казалась гораздо более увлекательной, нежели в романах Достоевского и Толстого. Я воображала себя героиней то одного, то другого произведения, и, в отличие от сюжета, мне, а не мужчинам, доставались все почести и сокровища в конце истории. Но я не забывала и о профильных предметах: к концу девятого класса учительница химии, разведя руками, сказала маме:

— Простите, Наталья Ивановна, но мне нечему больше научить вашу дочь!

Это была чистая правда, ведь учебники давали столь поверхностную информацию о необходимых мне предметах, что поневоле приходилось искать ответы в других местах. Мама, признаться, не верила в то, что авантюра с поступлением в Первый медицинский в Ленинграде выгорит, но не пыталась меня отговаривать, понимая, что если что-то втемяшилось в голову ее дочери, то оттуда это уже ничем не выбить. Она только опасалась, как бы я, разочаровавшись, не потеряла вкус к жизни.

Боялась она напрасно: я поступила с первого раза. На экзамене по химии попалась сложная задача. Я решила ее по-своему, и экзаменатор не понял, как мне это

удалось, не используя половину формул, необходимых в подобных случаях, — я их просто не знала. Он потребовал подробных объяснений, после чего спросил, что я получила за сочинение. Ответила, что четверку, и он, пожевав нижнюю губу, сказал сокрушенно:

— Я ставлю вам «пять», но, учитывая, что предстоят еще математика и биология, вы вряд ли поступите: конкурс слишком велик.

Сейчас такое заявление однозначно звучало бы как намек на внесение некоторой суммы «в фонд вдов и сирот» института, но тогда ни о чем подобном я и подумать не могла — другие времена, иные нравы. Я набрала восемнадцать баллов, но много оказалось «блатных» абитуриентов, правдами и неправдами набравших все двадцать. Я поняла, что рассчитывать мне не на что. В списках поступивших моя фамилия отсутствовала, однако, когда я, опустив голову, понуро плелась к выходу мимо деканата, секретарша схватила меня за руку.

— Ты, что ли, Саянова будешь? — требовательно спросила она.

Я удивленно кивнула.

— Ну да, он так тебя и описал: говорит, глазищи татарские, раскосые, и волосы как пепел, — закивала она, с интересом меня разглядывая. Под этим взглядом я поехала: еще никогда меня не рассматривали так пристально. — Поступила ты, Саянова, во как!

— Как — поступила? — пролепетала я. — В списках...

— Твою фамилию внесли в последний момент, — перебила секретарша. — Евгений Яковлевич сказал, что ему нужен хотя бы один подающий надежды студент, иначе работать просто не с кем!

Позднее я выяснила, что таинственный Евгений Яковлевич как раз и принимал у меня экзамен по химии и именно благодаря его восторженным рекомендациям я попала в институт.

На первом курсе я оказалась в одной группе с Пашей Гавриловым, сыном академика Олега Гаврилова, лауреата всевозможных премий и автора научных трудов по акушерству и гинекологии. Мать Павла также была врачом, таким образом, он являлся потомственным медиком, которому заранее обеспечено большое и светлое будущее. До сих пор не знаю, была ли я влюблена в Пашку, или меня заворожила аура благополучия, парящая над его головой, — в любом случае, я «залетела» в конце второго курса. Родители незадачливого любовника пришли в ужас: как, девочка-лимитчица, ни кола, ни двора... Мамаша, Антонина Сергеевна, лично прискакала ко мне в общагу, и у нас состоялся разговор в духе сценки из фильма «Москва слезам не верит». Она настаивала на аборте, я категорически отказалась, но пообещала, что никаких «притязаний» на ее сына иметь не буду. Грусливое поведение Павла здорово поколебало ореол святости, который раньше я ему ошибочно приписывала, поэтому легко дала это обещание. Его мать, правда, оказалась намного порядочнее и, поняв, что аборт я делать действительно не собираюсь, помогла найти хорошего гинеколога для наблюдения за беременностью. Интересно, что по мере роста моего живота мы с Пашкой совершенно перестали общаться, тогда как Антонина Сергеевна, напротив, позванивала, интересуясь моим самочувствием. Думаю, ее подкупил тот факт, что я, как сумасшедшая,

продолжала вгрызаться в учебу несмотря на свое состояние. Так продолжалось до самых родов — увезли меня прямо из института, но только после того, как я на «отлично» сдала экзамен. Подозреваю, «отлично» мне залепили со страху — вдруг рожу прямо в аудитории? Из роддома меня встречали подруги и... Антонина Сергеевна с огромным букетом и вышитым голубеньким одеяльцем для внука!

...За окном затормозила машина. Я сразу поняла, что приехал Влад, — всегда с легкостью узнаю звук его машины. Ну, точнее, не сам звук, а то, как он подъезжает к парадной, постепенно сбавляя скорость, глушит двигатель, через сколько секунд выходит из авто, аккуратно прикрыв дверь. Так как живу я на втором этаже, то слышу такие вещи. Выглянув из окна, я увидела, что не ошиблась, и уехала обратно — у Влада свой ключ.

В этой огромной квартире мы обитаем вместе с младшенькой. Комнат всего три, но зато — сто восемьдесят квадратных метров! И все это она заработала сама с небольшой моей помощью от продажи «двушки» в сталинском доме. Дашутка — адвокат по уголовным делам — удивительное исключение среди моего потомства, как и я, предпочитавшего карьеру в медицине.

Поворот ключа в замке и громкий лай Бони возвестили о том, что Владик дома.

— Мам?

— Я тут.

Входит и внимательно смотрит на меня, будто видит впервые или после долгого отсутствия.

— Что-то ты зачастил, — говорю вроде как недовольно.

На самом деле я всегда рада его видеть, но в последнее время Влад заходит чуть ли не каждый день — волнуется, как бы я на пороге юбилея не выскочила из окошка, наверное. Если вдуматься, дурацкая идея: второй этаж, в худшем случае ноги переломаяю.

Подходит и обнимает меня. Наши глаза встречаются. Какой же он красивый, мой сын: высоченный (сто девяносто), подтянутый, темноволосый — весь в Пашку Гаврилова, тот тоже красавцем был. Хотя почему — был? Слава богу, жив-здоров, доктор наук, академик, как папаша. С сыном у него отношения ровно-спокойные. До окончания школы Влад общался только с бабушкой, но потом Павел внезапно возник в его жизни. Я считаю, это потому, что у него в семье лишь дочери, хотя могу и ошибаться, ведь люди меняются. Однако Влад ничего не забыл, поэтому особой теплоты в отношениях отца и сына нет. Глаза у него мои, чуть раскосые. Не знаю, откуда взялся этот «монгольский» разрез — при моих-то светлых волосах и бледной коже, хотя догадываюсь, что татаро-монголы тут ни при чем: мама как-то обмолвилась, что папин дедушка был с Ямала.

— О чем размышляем? — поинтересовался сын, целуя меня в мочку уха.

— О пластической операции.

— Что-о?!

Надо было видеть, как вытянулось его лицо при этих словах.

— Ты серьезно? — добавил он после паузы.

— Абсолютно. Смотри, вот тут... и вот здесь.

— Ма, ты с ума сошла — кто тебе подал такую нелепую идею?

— Вот это самое зеркало, — ткнула я пальцем в трехстворчатого «советника». — А чего ты, собственно, так переживаешь? Оксана все сделает, она ведь пластический хирург!

— Да Оксанка тебя первая убьет! — перебил он. — За одну только мысль... Послушай, мам, ты и так красивая — стройная, как девочка...

— Ага, — вздохнула я. — Сзади пионерка, а спереди — пенсионерка!

— Ма-а-а! — застонал Влад, поглаживая меня по плечу, словно я была упрямым ребенком, а он — заботливым папашей, пытающимся отговорить этого ребенка от совершения глупости. — Ты же сама врач, хирург с тридцатилетним стажем — как ты можешь не понимать, чем чреваты подобные «эксперименты» в тво...

— Вот! — воздела я палец к потолку, сведя брови на переносице. — Ты сам сказал: «в твоём возрасте»!

— Ничего такого я не говорил! — возразил он. — Не вкладывай мне в уста свои собственные слова, пожалуйста. Я только имел в виду, что наркоз — опасная штука!

Решив, что дальнейшее обсуждение смысла не имеет, я перевела разговор на другую тему.

— Есть будешь?

— Мы не договорили.

— Успеем — я никуда не уезжаю. Тебе борщ или грибной?

— Гриб... Нет, борщ, пожалуй.

Жена Влада, Полина, благослови ее бог, за тринадцать лет их совместной жизни так и не научилась готовить. Поначалу я пыталась передать ей свои знания и опыт, но через некоторое время поняла, что не

преуспею, и оставила семью в покое. Влад привык к аховой стряпне супруги — пришлось, так как во всем остальном она его полностью устраивала. «Остальным», как я предполагаю, был секс. Меня не раз подмывало поинтересоваться у сына, что же такого делает в постели Полина, чем держит его на коротком поводке, но я так и не решилась. Даже если бы смогла, Влад навряд ли стал бы со мной откровенничать. Полину нельзя назвать красавицей, однако она относится к той категории женщин, которых называют *хорошенькими*. Но сына всегда окружали хорошенькие девушки — видимо, дело в горячем темпераменте, которого никак нельзя заподозрить под простоватой внешней оболочкой Полины. Она с грехом пополам закончила Библиотечный институт, но ни дня не работала. Моя невестка уделяет много времени дому и семье, но не забывает и о себе — ходит на фитнес, в бассейн, два раза в месяц посещает салон красоты и кружок валяния шерсти — у меня накопилось порядочное количество шарфиков, собственноручно сваленных Полиной. Должна признать, руки у нее работают гораздо лучше головы: если бы жена Влада посвящала больше времени этому хобби, полагаю, она могла бы достичь больших высот. И еще одного у нее не отнять: Полина прекрасная мать, и за это я готова простить ей все, включая неумение приготовить яичницу.

— А на второе — котлеты с горошком или курицу со спаржей?

— Решу после супа.

Вымыв руки, сын вошел в кухню.

— Как ты умудряешься успевать готовить разносолы, если работаешь не меньше, чем мы все? —

спросил он, приглаживая волосы мокрыми руками, как привык делать с детства. Этот жест был его «фирменным» — у всех моих детей есть такие, и этим они отличаются от всех остальных людей — ну, помимо ума и красоты, разумеется.

— Дашка же только ночевать приходит, — пожалала я плечами. — Если вообще приходит — когда ей готовить-то? Неужели мать может спокойно смотреть, как ее ребенок голодает?

— А переезжай к нам, — с надеждой предложил он.

— Вот уж уволь! Мы с Полиной обожаем друг друга, но на расстоянии. Кстати, — добавила я, наливая борщ в тарелку, — чего ты прискакал-то?

— Как чего — мать родную проведать! — возмутился он. — И пожрать по-человечески.

— Случилось что?

У меня засосало под ложечкой: неужели с Полиной поругался? Признаюсь, сынок у меня — ходок, но до сих пор ему как-то удавалось водить мою невестку за нос и убеждать в том, что он вот уже столько лет верен ей одной. Я такого поведения не одобряю, но что делать, ведь он мой сын!

— Даже не знаю, — задумчиво отрывая кусок от целого батона, ответил он. — Ты помнишь такую фамилию — Кречет?

— Конечно, — кивнула я, испытав облегчение оттого, что речь не о Полине. — Толик Кречет, был у меня такой студент. Очень талантливый мальчик, потом я его ординатором взяла.

— Вот и я думаю — запоминающаяся такая фамилия... Он, кажется, частенько бывал на нашей старой квартире?

— С чего вдруг ты вспомнил?

— Ты только не волнуйся, ладно?

Здорово — именно те слова, чтобы я начинала потихоньку паниковать!

— К нам в отделение сегодня доставили парня, — продолжал Влад. — Я его не видел, но фамилию не мог не заметить.

— Авария? — спросила я.

— Кто-то избил его, причем очень сильно. Славка Афанасьев его лечащий врач.

— Думаешь, это *мой* Толик?

— Возраст вроде совпадает.

— Ему сейчас должно быть... около тридцати?

— Хотел навестить его и убедиться, но замотался и забыл. А потом, уже в машине, вспомнил. Зря, наверное, тебе сказал?

— Нет, не зря, — возразила я. — Завтра сама схожу.

— А кто к празднованию юбилея будет готовиться?

— Я же говорила, что никакого празднования не будет! Это в двадцать лет весело дни рождения праздновать, ну, в тридцать... Так что забудьте.

— А если это не он?

— Значит, просто навещу больного — что в этом такого?

— Ты уверена, что узнаешь его?

Я в этом не сомневалась. Толя Кречет всегда выделялся в группе — веселым нравом, чувством юмора — добрым, без сарказма, но главное — способностями. Я преподавала у них общую хирургию и почти сразу поняла, что руки у парня растут откуда надо. У Толика была непослушная шевелюра светло-русых волос, внимательные серые глаза и акку-

ратный нос с горбинкой. Почему-то именно с этой группой студентов-медиков у меня сложились самые нежные отношения, и многие до сих пор мне звонят и даже заходят, особенно накануне праздников. А вот с Толей мы связь потеряли. Что я о нем знаю? Несмотря на близкое общение в течение нескольких лет, он не распространялся о своих делах. У него всегда все было хорошо... Во всяком случае, так выглядело со стороны.

* * *

В отделении травматологии, где работает мой сын, мне знакома добрая треть персонала. Некоторых из них я учила, других представлял мне сам Влад, и они частенько обращались ко мне за консультациями. Так что, решив не отрывать сына от работы, я вошла в ординаторскую и обрадовалась, увидев там Лену Торгашову.

— Анна Демьяновна! — воскликнула она, вскакивая. — Вы к Владиславу Павловичу?

— Нет, Леноч, я, собственно говоря, к Славику...

— А он на операции. Я могу помочь?

— К вам вчера одного пациента доставили — Кречет его фамилия.

— Пойдемте на пост.

Там Лена спросила у медсестры, в какой палате лежит пациент Кречет.

— В четвертой, — ответила та, заглянув в журнал.

— Как его состояние?

— Так себе, — пожала она плечами. — Вроде ничего страшного... Хотя поработали над ним серьезно! Странно, что к нему никто не приходит: уже